УДК 616.89–008.441.44

ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ К ЛИЦАМ, СОВЕРШИВШИМ СУИЦИДАЛЬНЫЕ ПОПЫТКИ (МЕДИКО-СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Руженкова В.В.

ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», Белгород, e-mail: ruzhenkova@yandex.ru

Методом анонимного анкетирования опрошен 351 человек в возрасте от 17 до 86 (39,2 ± 0,8) лет – 190 мужчин и 161 женщина из числа населения Белгородской области на предмет отношения к суицидентам. Установлено, что стигматизирующее отношение наиболее выражено в общественно-политической и производственной сферах, а также личной и интимной. Лишь 39,3 % опрошенных признавали бы суицидента-политика и только 24,5 % испытывала бы к нему доверие. Большинство (80 %) респондентов не доверили бы суициденту работу воспитателя детского садика, учителя средней школы и 70 % – врача и сотрудника судебно-следственных органов. Более лояльно относится население к знакомым лицам и членам семьи в случае суицидального поведения, что более характерно для лиц женского пола. Обсуждаются вопросы дестигматизации и профилактики суицидального поведения.

Ключевые слова: суицидальное поведение, самоубийство, стигматизация, психические расстройства, дестигматизация

PUBLIC ATTITUDE TO SUICIDAL PEOPLE (MEDICAL AND SOCIAL ASPECT)

Ruzhenkova V.V.

Belgorod State National Research University, Belgorod, e-mail: ruzhenkova@yandex.ru

Three hundred fifty one person the 17 to 86 (39,3 ± 0,8) age bracket from Belgorod Region were interviewed by method of anonymous questionnaire (190 male and 161 female) to explore their attitude to suicidal people. Stigmatization attitude was discovered at socio-political and industrial spheres as also at intimate sphere. Only 39,3 % respondents classified suiciders as fit for politics but just 24,5 % will trust them. The majority of respondents (80 %) would prohibit work by self-destroyers as kindergarten teacher or school teacher. At the same time 70 % respondents didn't trust them the work in forensic investigative agencies or medical sphere. More friendly people refer to their friends and relatives who committed suicide attempt. The questions of destigmatization and prevention of suicidal behavior are discussed.

Keywords: suicidal behavior, suicide, stigmatization, destigmatization, mental disorders

Литературные данные [8] свидетельствуют, что Российская Федерация, наряду со странами Прибалтики, Украиной и Беларусью характеризуется высоким уровнем самоубийств. Несмотря на наметившийся по данным Федеральной службы государственной статистики [10] в последнее десятилетие тренд к снижению суицидальной смертности в стране: с 38,4 на 100000 населения в 2002 году до 20,8 в 2012 году, их уровень превышает критическое значение ВОЗ – 20 случаев на 100000 населения [6]. Известно [1], что соотношение между внешними и внутренними формами суицидального поведения составляет 1:20 (на 1 завершенное самоубийство приходится 20 попыток покушения на жизнь). Причем среди юношей в возрасте от 15 до 24 лет это соотношение составляет 1:25, а для девушек 1:160 [12]. В развитых странах Европы и Америки соотношение индексов фатальных самоубийств среди мужчин и женщин составляет 3:1, в Японии 2:1 [3, 11, 13]. В Российской Федерации по числу завершенных суицидов мужчины превосходят женщин в 5 раз, а по отдельным возрастным группам (25–29 и 30–39 лет) – в 7–8 раз [2, 4]. Существующая система оказания психиатрической помощи, в том числе и суицидентам, отягощается явлением стигматизации [9], и лица с психическими расстройствами предпочитают скрывать от окружающих свою болезнь и суицидальное поведение [7]. Стигматизация приводит к тому, что уцелевшие, чувствуя себя «изгоями», еще больше изолируются от окружения [5].

В связи с этим **целью исследования** была разработка рекомендаций по социальной дестигматизации суицидентов на основе изучения структуры отношения к ним населения.

Материал и методы исследования

В течение 2014 г. нами опрошен 351 человек в возрасте от 17 до 86 (39,2 ± 0,8) лет – 190 мужчин и 161 женщина из числа населения Белгородской области.

Основным методом исследования было анонимное анкетирование. Анкета включала 75 вопросов, распределенных по 8 разделам: социально-демографические сведения, общая осведомленность о суицидальном поведении, отношение к суицидентам в различных сферах (личной, интимной, семейной, административно-правовой, производственной, общественно-политической и духовной), а также проблемы дестигматизации.

В ходе исследования проводилась статистическая обработка базы данных (критерий χ^2 для таблиц сопряженности 2×2, корреляционный анализ [коэффициент ранговой корреляции Спирмена]) при помощи пакета прикладных статистических программ Statistica 6.

Результаты исследования и их обсуждение

Установлено, что 38,5% обследованных имели высшее образование, чаще – 47,3% ($\chi^2 = 8{,}936$ $p = 0{,}003$) лица женского пола, чем мужского – 31,1%. Среднее специальное образование имели 35% опрошенных: 40% лиц мужского пола и 29,2% – женского ($\chi^2 = 4{,}01$ $p = 0{,}045$). Таким образом, образовательный уровень респондентов женского пола несколько выше, чем мужского.

В общей совокупности 67 (19,1%) опрошенных имели в анамнезе суицидальное поведение: в 3 (0,9%) случаях – суицидальные попытки и в 64 (18,2%) – внутренние формы суицидального поведения (мысли, замыслы), чаще ($\chi^2 = 7{,}088$ $p = 0{,}008$) лица женского пола – 41 (25,5%) случай, чем мужского – 26 (13,6%) случаев.

Изучение осведомленности в области суицидального поведения показало, что некоторое представление имели всего 92 (26,2%) опрошенных. Из общего количества респондентов: 15,7% изучали суицидальное поведение в период учебы, чаще – 21,1% женщины ($\chi^2 = 6{,}045$ $p = 0{,}014$), чем мужчины – 11,1%; пятая часть опрошенных – 19,9% изучала девиантное поведение, также чаще ($\chi^2 = 9{,}326$ $p = 0{,}002$) лица женского пола – 27,3%, чем мужского – 13,7%; самостоятельно читали специализированную литературу 8,3% респондентов.

Изучение точки зрения респондентов о суицидентах показало, что почти половина респондентов – 49,8% считают их психически больными людьми. В то же время пятая часть – 21,7% считают суицидента «слабаком», а 6% – человеком с рентными установками (прикидывается или ищет выгоду), или социально беспомощным, что имеет определенное стигматизирующее значение. Обычным человеком суицидента считают лишь 18,5% обследованных. В остальных случаях указывалось, что это люди, которые просто не могут найти выхода из сложившейся ситуации или не справляются с трудностями и препятствиями, возникающими в их жизни. Более половины – 50,4% респондентов считают суицидальное поведение серьезной моральной проблемой; чаще – 60,2% такой точки зрения придерживались лица женского пола, чем мужского – 42,1% ($\chi^2 = 10{,}762$ $p = 0{,}001$). В то же время 22,2% опрошенных проблему самоубийств считают вообще не значимой: 30% лиц мужского и 13,1% женского пола ($\chi^2 = 13{,}533$ $p < 0{,}001$). Как экономическую проблему самоубийств рассматривают 13,7% опрошенных и 9,7% – как демографическую.

Изучение отношения населения к суицидентам в личной сфере показало, что хотя более половины респондентов – 59,3% готовы поддерживать дружбу со своими приятелями, если те совершат попытку самоубийства, но только 40,5% пошли бы к ним в гости.

Анализ эмоционального реагирования опрошенных на знакомых людей (соседа по дому), который совершили суицидальную попытку, показал, что половина – 49% отнеслись бы к нему сочувственно: чаще – 66,5% лица женского пола, чем мужского – 34,2% ($\chi^2 = 35{,}480$ $p < 0{,}001$). В то же время негативные эмоции по отношению к нему испытывали бы более пятой части опрошенных – 21,9%. Отстраненное (равнодушное и нейтральное) отношение было характерно для 27% респондентов, чаще лиц мужского пола – 39,5% ($\chi^2 = 26{,}237$ $p < 0{,}001$), чем женского – 14,2%. Аналогичное эмоциональное отношение выявлено у населения и по отношению к сотруднику по работе. Половина – 50,7% опрошенных отнесется к нему с сочувствием, причем лица женского пола достоверно чаще – 65,2%, чем мужского – 38,5% ($\chi^2 = 23{,}976$ $p < 0{,}001$). Неприязнь по отношению к коллеге-суициденту будет испытывать пятая часть – 22,8% респондентов (одинаково часто лица мужского – 26,3% и женского – 18,6% пола). Отстраненно отнесутся 26,5% опрошенных, чаще лица мужского пола – 35,2% ($\chi^2 = 15{,}382$ $p < 0{,}001$), чем женского – 16,2%.

Совершенно иное эмоциональное отношение будут проявлять представители населения по отношению к незнакомому человеку – например к попутчику в туристической поездке, пытавшемуся покончить с собой. Так, с сочувствием к нему отнеслись бы только 30,8% опрошенных, чаще – 39,7% лица женского пола, чем мужского – 23,2% ($\chi^2 = 10{,}500$ $p = 0{,}001$). Отрицательные эмоции испытывали бы такое же количество опрошенных – 22,4%, что и по отношению к соседу по дому и сотруднику (те же, кто негативно отнесется к знакомому, пытавшемуся покончить с собой, за исключением 4,5%, которые негативно отнесутся только к незнакомому суициденту). Отстраненное (равнодушное и нейтральное) отношение было характерно для 46,8% респондентов (без гендерных различий).

К знакомым (сосед по дому, сотрудник) большее число опрошенных отнеслись

бы с сочувствием – 49–50,7% (χ^2 = 28,092 p < 0,001), чем к незнакомому (малознакомому) человеку – 30,8%. В свою очередь, к малознакомому человеку большее количество респондентов отнесется отстраненно – 46,8%, чем к знакомому суициденту – 26,5–27,0% (χ^2 = 30,007 p < 0,001).

Изучение отношения представителей населения к суицидентам в интимной сфере показало, что почти половина – 48,9% лиц мужского пола и треть – 31,1% женского (χ^2 = 10,826 p = 0,001) допускают интимные отношения с человеком, ранее пытавшимся покончить жизнь самоубийством. В то же время, если бы суицидальная попытка была совершена в период отношений, то половина опрошенных – 52,1%, считала бы суицидента полноценным сексуальным партнером, а 40,2% респондентов отказались бы от секса с таким человеком. Достоверно чаще мужчины – 54,7% (χ^2 = 8,567 p = 0,003), чем женщины – 38,5% продолжили бы интимные отношения с партнером, пытавшимся покончить с собой; также чаще лица мужского пола – 44,7% (χ^2 = 9,057 p = 0,003), чем женского – 28,6%, чувствовали бы себя комфортно с таким партнером.

В семейной сфере отношение населения к суицидентам (родным и близким), более лояльное, чем к посторонним. Большинство – 78,1% опрошенных: женщины (85,2%) чаще (χ^2 = 7,842 p = 0,005), чем мужчины (72,1%), в случае суицидального поведения их супругов отнеслись бы к ним с пониманием и оказывали бы поддержку. Лишь незначительная часть – 6,5% расторгли бы брак, а 8,0% отнеслись бы отстраненно (проигнорировали бы происшедшее, а 2,9% опрошенных поступили бы неконструктивно (наказали бы, подшучивали бы или ругали бы супруга). Незначительная часть – 1,7% респондентов отдельно обращают внимание на то, что нужно разобраться в причине такого поступка со стороны близкого человека, некоторые указывают на необходимость лечения (1,7%) и консультации священника (1,1%). Если бы в семье попытку самоубийства совершил собственный ребенок, то подавляющее большинство – 87,9% респондентов оказывали бы ему всяческую поддержку (без гендерных различий).

Семью, в которой один из супругов пытался покончить жизнь самоубийством, полноценной считают лишь немногим более половины респондентов – 56,1%, а треть – 35% отказались бы вступать в брак с суицидентом.

Изучение отношения населения к суицидентам в административно-правовой сфере показало, что более половины – 55,6% отказало бы им в выполнении ответственной работы: руководителя среднего звена (56,4%) и управляющего на производстве (63,5%). Значительное количество респондентов занимают еще более жесткую позицию: так, 19,4% респондентов, чаще – 24,2% лица мужского пола, чем женского – 13,7% (χ^2 = 5,548 p = 0,018) придерживаются мнения, что пытавшийся покончить с собой не может пользоваться всеми гражданскими правами, а 15,1% считают целесообразным привлекать суицидентов к уголовной ответственности. Стоит отметить, что 12% респондентов, чаще мужчины – 18,9% (χ^2 = 6,685 p = 0,01), чем женщины – 8,7%, отказали бы суицидентам в специализированной медицинской помощи, а 15,9% – также чаще мужчины – 21,6% (χ^2 = 6,895 p = 0,009), чем женщины – 10,6%, в высокотехнологической медицинской помощи.

Изучение отношения к суицидентам в производственной сфере показало, что, несмотря на то, что большинство – 68,1% респондентов убеждены, что суицидент может работать так же качественно, как и другие люди и может принести пользу на производстве – 76,4%, подавляющее большинство опрошенных отказали бы суициденту в различных областях ответственной работы. Так, более 80% опрошенных не доверили бы суициденту работу воспитателя детского садика, учителя средней школы и врача-психиатра, а 70% – вообще работу врача (терапевта, акушера-гинеколога, хирурга и реаниматолога) и сотрудника судебно-следственных органов (судьи, прокурора, следователя). Несколько более лояльное отношение к допуску суицидентов к работе бухгалтера и продавца супермаркета – отказали бы им и в этом 43,8 и 34,1% соответственно. Кроме того, более четверти респондентов – 26,5% считают, что суициденты профессионально более низкой квалификации, чем люди без суицидального поведения, а почти треть опрошенных (28,5%), чаще лица мужского пола – 33,7% (χ^2 = 4,944 p = 0,026), чем женского (22,3%), придерживаются более жесткой позиции, полагая, что суициденты являются обузой для общества.

Анализ отношения к суицидентам в общественно-политической сфере показал, что 39,3% опрошенных допускают возможность суициденту заниматься политической деятельностью, однако лишь четверть – 24,5% испытывала бы к нему доверие, несмотря на то, что 57,5% считают, что он может сдержать свое слово (а 30,5% считают его мнение ошибочным). Четвертая часть – 23,9% опрошенных отказали бы суициден-

ту в праве голоса. Статистически значимых гендерных различий не выявлено.

Изучение отношения населения к суицидентам в духовной сфере показало, что половина респондентов – 55,6 % считают суицидентов эгоистичными и не достойными снисхождения – 26,2 %. Почти треть – 29,3 % опрошенных полагают, что люди, пытавшиеся покончить с собой, аморальны – такая точка зрения более характерна для лиц мужского пола – 35,8 % (χ^2 = 7,634 p = 0,006), чем женского – 21,7 %. Также, треть – 34,8 % респондентов, чаще мужчины, чем женщины (χ^2 = 6,645 p = 0,01), считают, что суициденты ценят материальное выше духовного –41 и 27,3 % соответственно. Значительная часть респондентов – 17,1 %, чаще лица мужского пола – 24,2 % (χ^2 = 13,728 p < 0,001), чем женского – 8,7 %, придерживаются мнения, что суицидентов необходимо отлучать от церкви.

Большинство (83,5 %) опрошенных считают, что самоубийство можно предупредить. Подавляющее число – 78,9 % лиц женского пола и более половины – 61,7 % мужского (χ^2 = 11,510 p < 0,001) полагают, что для этого надо развивать науку суицидологию и вести санитарно-просветительскую деятельность (69,6 % опрошенных). Более половины респондентов – 53,3 % полагают, что лучшей профилактикой суицидального поведения будет рост духовности и религиозности нации, а 49,6 % видят в качестве профилактических мер проведение тренингов общения и разрешения конфликтов. Такие тренинги нужно проводить во время учебы в школе – так считают 62,7 % респондентов, чаще женского пола – 70,8 % (χ^2 = 7,773 p = 0,005), чем мужского – 55,8 %, а также в период обучения в университете – 80,1 % опрошенных, чаще женского, чем мужского пола – 90,7 и 71,1 % (χ^2 = 19,824 p < 0,001) соответственно. Наряду с этим почти каждый пятый опрошенный, несколько чаще мужчины – 24,7 % (χ^2 = 3,986 p = 0,046), чем женщины – 15,5 %, считает, что для снижения уровня самоубийств необходимо повысить уровень жизни населения. Лишь 8,6 % опрошенных считают, что не стоит тратить на суицидентов ни денежных средств, ни времени.

Таким образом, исследование выявило высокий уровень стигматизации суицидентов в различных социальных сферах. В личной сфере значительная часть респондентов будут отрицательно относиться к суициденту, малознакомому человеку и более лояльно – к знакомому. В интимной сфере более половины опрошенных прекратили бы отношения с суицидентом, а в семейной сфере отношение населения к суицидентам (родным и близким), более лояльное, чем к посторонним. В административно-правовой сфере большинство респондентов не доверили бы суициденту руководящую работу, четвертая часть – лишили бы гражданских прав, а 15 % – привлекали к уголовной ответственности за суицидальное поведение. В производственной сфере население отказало бы суициденту в большинстве профессий: воспитателя детского садика, учителя средней школы, врача, а также сотрудника судебно-следственных органов. В общественно-политической сфере суициденты лишены доверия со стороны населения, а в духовной сфере – их считают эгоистичными, аморальными, не достойными снисхождения. Более лояльное отношение к суицидентам присуще лицам женского пола. В аспекте профилактики суицидального поведения важную роль играет повышение уровня и качества жизни, а также проведение тренингов общения и разрешения конфликтов.

Список литературы

1. Амбрумова А.Г., Тихоненко В.А. Диагностика суицидального поведения: методические рекомендации. – М., 1980. – 48 с.

2. Гилинский Я. Основные тенденции динамики самоубийств в России [Электронный ресурс] / Я. Гилинский, Г. Румянцева // NarCom.ru : русский народный сервер против наркотиков / Фонд «Здоровое Будущее», Северо-Зап. регион. мед. центр. – СПб., 1998–2002. – Режим доступа: http://www.narcom.ru/ideas/socio/28.html.

3. Давыдов А.А. Модульный анализ и конструирование социума; РАН, Ин-т социологии. – М.: ИС РАН, 1994. – 198 с.

4. Девяткова Г.И. Социально-гигиеническая характеристика самоубийств и пути совершенствования суицидологической помощи населению: автореф. дис. ... канд. мед. наук 14.00.33 / Г.И. Девяткова; Оренбург. гос. мед. ин-т. – Оренбург, 1992. – 24 с.

5. Кедровская А.С. Проблема стигматизации суицидентов, как фактор, препятствующий превенции: материалы временных коллективов // Всероссийская 70-я юбилейная итоговая научная студенческая конференция им. Н.И. Пирогова, Томск, 16–18 мая 2011 г.: сб. ст. / Сиб. мед. ун-т [и др.]; ред.: В.В. Новицкий, Л.М. Огородова. – Томск, 2011. – С. 382–384.

6. Морев М.В., Шматова Ю.Е., Любов Е.Б. Динамика суицидальной смертности населения России: региональный аспект // Суицидология. – 2014. – № 1. – С. 3–11.

7. Подкорытов В.С. Больные с непсихотическими психическими расстройствами в современном обществе: данные социол. анкетирования / В.С. Подкорытов, В.Н. Кузьминов, А.Г. Шепель // Медицинские исследования. – 2001. – Т. 1, Вып. 1. – С. 31.

8. Розанов В.А. Самоубийства, психосоциальный стресс и потребление алкоголя в странах бывшего СССР // Суицидология. – 2012. – № 4. – С. 28–40.

9. Руженков В.А., Руженкова В.В. Отношение к суицидентам медицинских сестер психиатрической больницы и факультета высшего сестринского образования, как

отражение социальной стигматизации // Суицидология. – 2013. – № 2. – С. 63–68.

10. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС): гос. интегрирован. стат. ресурс / Минкомсвязи России, Росстат. – М., 2011–2014. – Режим доступа: http://www.fedstat.ru/indicators/start.do.

11. Girard C. Age, gender, and suicide: a cross-national analysis // American Sociological Review. – 1993. – Vol. 58, № 4. – P. 553–574.

12. Hawton K. Suicide and attempted suicide among children and adolescents. – Beverly Hills: Sage Publications, 1986. – 159 p. – (Developmental clinical psychology and psychiatry series; vol. 5).

13. Kposowa A.J. White male suicide in the United States: a multivariate individual-level analysis / A.J. Kposowa, K.D. Breault, G.K. Singh // Social Forces. – 1995. – Vol. 74, № 1. – P. 315–325.

References

1. Diagnostika suicidal'nogo povedenija: Metodicheskie rekomendacii. Moscow, 1980. 48 p.

2. Gilinskij Ja., Rumjanceva G. Osnovnye tendencii dinamiki samoubijstv v Rossii. Available at: http://www.narcom.ru/ideas/socio/28.html#3 (accessed 5 September 2014).

3. Davydov A.A. Modul'nyj analiz i konstruirovanie sociuma. Moscow, Institut sociologii RAN, 1994. 198 p.

4. Devjatkova G.I. Social'no-gigienicheskaja harakteristika samoubijstv i puti sovershenstvovanija suicidologicheskoj pomoshhi naseleniju: Avtoref. dis.… kand. med. nauk. Orenburg, 1992. 24 p.

5. Kedrovskaja A.S. Vserossijskaja 70-ja jubilejnaja itogovaja nauchnaja studencheskaja konferencija im. N.I. Pirogova, Tomsk, 16–18 maja 2011 g.: sb. st. Tomsk, 2011. pp. 382–384.

6. Morev M.V., Shmatova Ju.E., Ljubov E.B. Suicidologija. 2014, no. 1, pp. 3–11.

7. Podkorytov V.S., Kuz'minov V.N., Shepel' A.G. Medicinskie issledovanija, 2001, Vol. 1, no. 1, p. 31.

8. Rozanov V.A. Suicidologija, 2012, no. 4, pp. 28–40.

9. Ruzhenkov V.A., Ruzhenkova V.V. Suicidologija, 2013, no. 2, pp. 63–68.

10. Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki (Federal Plan of Statistical Work). Available at: http://www.fedstat.ru/indicators/start.do (accessed 5 September 2014).

11. Girard C. American Sociological Review, 1993, vol. 58, no. 4, pp. 553-574.

12. Hawton K. Suicide and attempted suicide among children and adolescents. Beverly Hills, Sage Publ., 1986. 159 p.

13. Kposowa A.J. Breault K.D., Singh G.K. Social Forces, 1995, vol. 74, no.1, pp. 315–325.

Рецензенты:

Ширяев О.Ю., д.м.н., профессор, заведующий кафедрой психиатрии и наркологии Воронежской государственной медицинской академии им. Н.Н. Бурденко, г. Воронеж;

Поддубный Н.В., д.ф.н., к.псх.н., профессор кафедры социальной работы и психологии, АНО ВПО «Белгородский университет кооперации, экономики и права», г. Белгород.

Работа поступила в редакцию 17.09.2014.